

Н.Н. БИЯЗИ,
генерал-лейтенант в отставке.

В ОГНЕ ТРЕХ ВОЙН

ВОСПОМИНАНИЯ

10 августа (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России.

В Петрограде меня призвали на военную службу и отправили в казармы лейб-гвардии Преображенского полка.

На фронте шли кровопролитные бои, а у нас в казарме и на Дворцовой площади учеба сводилась только к строевой подготовке и муштре, к равнению и заучиванию наизусть текста уставов. Проводили занятия малограмотные унтер-офицеры. Наш взводный требовал, чтобы на его вопрос «чем чистится винтовка», мы отвечали — «вышеупомянутым шомполом», потому что так дословно было напечатано в уставе. Шагистикой и колкой штыками чучел мы занимались на Дворцовой площади.

Вскоре в составе запасного батальона я был отправлен на фронт.

На станции Травники, между Холмом и Люблином, нас высадили из вагонов и ночью переправили в вырытые неподалеку окопы. Утром получили приказ начать атаку, но никто из необстрелянных, только что прибывших солдат не поднялся. Тогда в окопе появился штабс-капитан. Он приказал командиру роты, молодому прапорщику, поднять солдат в атаку. Когда и это не удалось, штабс-капитан приказал: «Прапорщик, на бруствер!». Прапорщик, взяв под козырек, ответил: «Слушаюсь, на бруствер!». И, выйдя из окопа, встал во весь рост и тотчас был наповал убит. Мы, возмущенные, грозно двинулись к штабс-капитану, но он мгновенно скрылся за изгибом окопа. Путь нам преградила высокая фигура фельдфебеля. Он крикнул: «Братцы, отомстим за смерть нашего командира! В атаку на убийц!». И вся рота поднялась за ним.

До немецких окопов было недалеко. Выскочив вместе с другими, я

бросился вперед. У меня как у спортсмена-спринтера было одно желание: чтобы никто не перегнал. Благополучно домчавшись до немецкого окопа, я увидел, как из него поднялась высокая упитанная, фигура офицера. Он, прищурясь, целился в меня из «парабеллума».

Инстинктивно я заслонился винтовкой, и пуля скользнула по моему мизинцу, брызнула кровь, но я: в ожесточении не почувствовал боли и с ходу вонзил штык в живот-офицера. Вместе свалились во вражеский окоп. Лежа на трупе и не выпуская винтовки из рук, почему-то подумал: «Вот я и герой, убил вражеского офицера; за это мне полагается Георгиевский крест».

Вдруг слышу над собой голос нашего фельдфебеля: «Биясин (так он произносил мою фамилию), сукин сын, штыка вытащить не умеешь!». Я вскочил на ноги и выдернул штык.

Все мое геройство полетело прахом, оказалось незачтенным.

Однако в одном из новых боев, я за восстановление связи под вражеским обстрелом был представлен к солдатскому Георгию 4-й степени.

Когда угощал фельдфебеля по случаю награждения, так он мне сказал: «Этот Георгий тебе за первый бой, а задержал я представление к награде, чтобы ты был умнее. Понятно?».

Позднее по болезни я был эвакуирован в Петроград.

Когда выздоровел, то меня направили юнкером в Павловское военное училище на Большой Спасской улице в Санкт-Петербурге.

В училище строгий порядок и чистота. Начальником здесь был немец генерал-майор Вальдберг, а его помощником полковник Булюбаш, придиричивый служака и формалист. О Булюбаше рассказывали: когда он командовал полком и был направлен на фронт, то там решил, что немцы как вояки из себя ничего не представляют. В один из дней в момент затишья Булюбаш

вышел к немецким окопам с солдатом, несущим белый флаг, — символ переговоров. Несмотря на флаг, немцы открыли огонь, ранили Булюбаша и взяли в плен. Его несли на носилках, а он ругался и требовал к себе офицера. Когда же офицер стал уверять, что его взяли в плен, не видя белого флага, Булюбаш сказал: «Я сержусь не потому, что попал в плен, а потому, что ваши солдаты-носильщики не знают службы, они с носилками должны идти не в ногу, а они идут в ногу!».

Булюбаша отправили в Германию и заключили в тюрьму. Здесь он никому из тюремщиков не давал житья. То вызывал дежурного и предъявлял претензию, что к нему в окошко редко заглядывает часовой, а может быть, он, Булюбаш, ведет подкоп (?!). То заявлял, что в коридоре слышны шаги часового, а тюрьма должна угнетать заключенных своей «могильной тишиной». Он так надоел тюремному начальству, что его перевели из тюрьмы в концентрационный лагерь. Отсюда он вскоре умудрился бежать и оказался в России в Павловском военном училище, докучая уже не немцам, а нам, юнкерам и курсовым офицерам.

Вот несколько из многих примеров. Выходной день, юнкера спешат домой в отпуск. Вся Большая Спасская улица полна ими. В это время на санях, запряженных рысаком, навстречу не спеша едет Булюбаш и смотрит, как одеты юнкера, кто и как из них идет. Увидя оплошность или неполадки в одежде, Булюбаш, не останавливаясь, показывал провинившемуся юнкеру пять пальцев и затем еще два пальца, что означало пять суток ареста и две недели без отпуска. У Булюбаша была изумительная зрительная память. На следующий день он лично проверял — отбывают ли провинившиеся юнкера наказания.

Мы называли между собой Булюбаша — «Полковник пять тридцать».

Еще один из многих случаев. Ночь. Юнкера спят. Горит только маленькая электрическая лампочка у

столика дежурного. Внезапно появляется Булюбаш, принимает рапорт и, громко стуча каблуками, идет между кроватями к стене, на которой висит именной список юнкеров этой роты. Подняв голову, он так громко читает, что все просыпаются, а это и нужно солдафону.

«Вот пред вами высочайше утвержденная форма именного списка роты, самовольно переделанного старшим портупей-юнкером Афанасьевым», — начинал он очередной разгон.

Список составлен строго по форме, но по ошибке переставлены всего две строчки.

Юнкера делают вид, что спят. Тогда Булюбаш начинает ходить между кроватями в поисках юнкера Афанасьева, хотя отлично знал — койка командира первого взвода всегда во всех ротах стоит в первом ряду против столика дежурного по роте.

Забегая вперед, скажу, что во время Февральской революции 1917 года в газете появилась статья Булюбаша под заглавием: «Россия идет не в ногу!»

Время шло. Царь вынужден отречься от престола. В Питере среди рабочих росли революционные настроения.

Когда я был на дежурстве и сидел около полураскрытого окна в дежурной комнате, то услышал пение. По улице проходила колонна работниц фабрики Карстнера. Работницы дружно пели одну из революционных песен. Ярко сияло солнце, и мне так захотелось уйти из постылой казармы на волю, к народу.

С новым набором к нам в 7-ю роту прибыл юнкером молодой человек по фамилии Шаревский. Приветливый, жизнерадостный человек, он мало подходил к серой юнкерской жизни. Вскоре я заметил, что в свободное время он, уединяясь, ведет беседы с солдатами и, в частности, с унтер-офицером Алимпиевым.

Об этом дозналось начальство. Мне было приказано присматривать за Шаревским, за его действиями. Когда я

об этом рассказал у себя дома, мой брат Виктор посоветовал мне благожелательно относиться к Шаревскому и при этом дал понять, что Шаревский прислан в училище от нелегальной революционной организации.

По призыву и под руководством большевиков в конце февраля 1917 года в Петербурге начались стачки, проходили митинги, демонстрации и столкновения с полицией.

По приказу начальника училища все двери в наше здание были забаррикадированы.

В один из таких дней я дежурил по училищу и узнал, что перед главным входом в наше здание собрались рабочие и что-то требуют.

Меня вызвал к себе начальник училища генерал-майор Вальдберг и приказал выйти из коридора хлебопекарни при училище и узнать, что требуют рабочие.

«А револьвер вы снимите и оставьте в дежурной комнате». На это я задорно доложил: «Ваше превосходительство, я на дежурстве и должен быть при оружии!» — откозырял и вышел.

На улицу я смог выйти только по коридору хлебопекарни. Подошел к рабочим, поздоровался и спросил, что им нужно. Последовал ответ: «Требуем, чтобы училище сказало, за кого оно — за революцию или за старый режим?». Я пообещал доложить начальнику.

Узнав об этом, Вальдберг сказал, чтобы я передал рабочим, что он не против мирной демонстрации и что училище выйдет на улицу.

Интересно — в это время жена и дочь начальника училища (они жили в главном здании) уже готовили красные нагрудные бантики, которые они вместе с адъютантом начали раздавать командирам рот, а те — юнкерам, строившимся в коридоре.

Когда я вышел и сообщил рабочим о решении начальника, меня встретили дружными одобрительными возгласами.

Вскоре главные двери училища были открыты, и колонна юнкеров двинулась по Большому проспекту, заполненному народом. Едва колонна повернула к Народному дому, как с крыш внезапно раздались ружейные выстрелы. Стреляли городовые (полицейские), засевшие на крышах. Но так как дома были высокие, а улица сравнительно узкая, пули ложились наперекрест над головами и ударялись в тротуары.

Раздалась команда: «Колонна, кругом!». Мы без потерь вернулись в училище. А полицейских обезоруживали и стаскивали с крыш не юнкера, а сопровождавшие колонну питерские рабочие.

Вскоре после этого было назначено офицерское собрание. Офицерская столовая имела необычный вид: на столах вместо белоснежных скатертей, фаянса и хрусталя стояли чернильницы, лежали ручки, карандаши и листы чистой бумаги. Впереди большой стол для президиума, накрытый не красной, а зеленой скатертью.

Ни начальника, ни его помощника не оказалось. Заседание открыл командир 1-го батальона. Офицеры сидели молча, никто не решался взять слова. Тогда я поднял руку и с места кратко сказал о том, какая обстановка в столице. Но опять никто не выступил. Пришлось вторично взять слово и заявить, что офицеры должны открыто сказать, за кого они: за низложенного царя Николая или за народ?

Наконец два георгиевских кавалера штабс-капитаны Ежов и Голубев подняли руки за народ.

3 апреля мой брат посоветовал мне переодеться в штатское и пойти вечером на Финляндский вокзал. Питерцы шли встречать Владимира Ильича Ленина. Чем ближе подходил я к вокзалу, тем больше было людей, а на площади их было так много, что подойти к вокзалу оказалось совершенно невозможно.

Был поздний час, когда раздался гудок прибывшего поезда. Площадь оживилась. Когда Ленин вышел, ему подали легковую машину, но она была низкая. Тогда подошел броневик, и с его башни Ленин обратился к собравшимся. Питерцы радостно приветствовали Владимира Ильича. Свое краткое выступление Ленин закончил словами: «Да здравствует социалистическая революция!». Все собравшиеся аплодировали, в воздухе развевались красные флаги. Броневик с Владимиром Ильичей, провожаемый аплодисментами и дружными возгласами рабочих и солдат, отправился с вокзальной площади к бывшему дворцу Кшесинской на Петроградской стороне, где помещался штаб большевиков.

Расходясь с площади, рабочие верили: если Ленин провозгласил — «Да здравствует социалистическая революция!», — значит, эта революция скоро наступит.

В ночь на 25 октября 1917 года Ленин прибыл в Смольный и возглавил руководство Октябрьским восстанием.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась.

В Павловском военном училище создали комиссию по ликвидации старого училища и передаче вооружения, боеприпасов и снаряжения формируемым отрядам Красных курсантов. Часть офицерства уехала из Петрограда на юг, а революционно настроенные перешли на сторону Советов. Бывший штабс-капитан Ежов успешно командовал отрядом Красных курсантов во время боев за Петроград.

Я получил удостоверение, вот подлинный текст:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ № 738 Дано сие отъ Временного Военно-Революционного Комитета солдатъ Павловскаго военного училища поручику Николаю Николаевичу Биазии въ удостоверение его личности для

свободнаго пропуска въ пределах Петрограда, что подписью съ приложениемъ печати удостоверяется.

Петроградъ, 19 ноября 1917 года.

Председатель

*Вр. -В.-Революционнаго
Комитета*

Комиссаръ Е. Шаревский.

Секретарь Алимпиевъ.»

Печать.

Позднее меня назначили председателем ликвидационной комиссии, а по общественной линии я работал в тройке по созданию первых в стране коммунальных огородов на Крестовском острове, на даче-дворце князя Белосельского-Белозерского, бежавшего за границу.

Тогда же помог создать на Крестовском острове первые отряды народной милиции, обучать их обращаться с оружием и стрельбе.

Однажды по делам ликвидационной комиссии училища я отправился в Смольный. Предъявив пропуск, я поднялся по ступенькам, вошел в коридор и стал искать необходимую мне комнату. Вдруг в конце коридора показался Владимир Ильич. Он шел быстро, держа в левой руке пачку бумаг. Ленин приближался ко мне. И вот тут-то старая военная выучка взяла свое. Как только Ленин приблизился ко мне на расстояние трех шагов, я повернулся вполоборота, стал во фронт, приложил руку к козырьку и буквально застыл в положении «смирно».

Владимир Ильич остановился, удивленно посмотрел на меня, заулыбался, потом протянул руку и раздельно сказал, не переставая улыбаться: «А у нас во фронт не становятся». Затем, видя мое смущение, еще раз пожал мне руку и, улыбнувшись, быстро удалился.

Не произнеся ни слова, я смотрел ему вслед.

По окончании работы ликвидационной комиссии 5 июня 1918 года я отправился в Главный штаб на Дворцовую площадь. В огромном здании

разыскал нужную мне комнату, в которой все было так, как до революции.

За большим дубовым письменным столом сидел важный начальник, видимо, из старых офицеров, который, к моему удивлению, даже не предложил мне сесть и сразу приступил к вопросам о моей службе в старой армии. Когда я сказал, что последнее время был курсовым офицером Павловского военного училища, он, несмотря на то, что у меня было удостоверение, как своего рода путевка в новую жизнь от Военно-Революционного Комитета, грубо отказал мне.

Меня этот отказ и озадачил и возмутил, но я только резко повернулся и вышел, хлопнув дверью. В коридоре сел на деревянный диван и задумался. Вскоре кто-то положил мне руку на плечо и участливо спросил, в чем дело. Я откровенно поделился своей обидой, и неожиданный собеседник вдруг предложил мне подождать, а сам быстро куда-то ушел. Минут через двадцать из кабинета вывели принимавшего меня «бывшего», он с ненавистью посмотрел в мою сторону, а меня позвали в кабинет, но за столом уже сидел другой начальник. Это был матрос Балтийского флота, который предложил мне сесть, участливо расспросил меня обо всем, вплоть до того, какое участие я принимал во время революции. В заключение беседы он сказал: «Пока мы направим вас, товарищ, в резерв охраны железных дорог», — и дал мне направление. Вскоре меня назначили для конвоирования железнодорожного состава, направляющегося с автогрузовыми машинами в Пермь.

Товарная станция в Москве. Ночь. Слабо светятся немногие фонари. Я, бывший курсовой офицер, с винтовкой в руке стою на посту, охраняю эшелон с автомашинами. Утром эшелон последовал дальше. До Перми доехали благополучно.

Явился в городской Совет к председателю, сдал ему все документы и попросил, чтобы он дал мне расписку в получении эшелона автомашин.

Председатель (я не знаю, к сожалению, его фамилию) тотчас же дал расписку, а с ней еще какую-то бумагу и предложил мне пройти в соседнюю комнату. Я спрятал расписку, а вторую бумагу не читая отдал секретарю и хотел уйти. Но секретарь задержал меня, спросил, есть ли у меня семья, что-то написал и сказал: «Пройдите, пожалуйста, в продовольственный отдел». Каково же было мое удивление, когда в продовольственном отделе мне выдали ордер на получение мешка муки для моей семьи. Удивление сменилось благодарностью. Была выдана мука и для всего состава караула, сопровождавшего эшелон.

В этот голодный год мешок муки являлся бесценным даром.

После выгрузки автомашин наш эшелон нагрузили ящиками и мешками с продовольствием для голодающего Питера.

Когда возвратились в Петроград и сдали эшелон с продовольствием, я получил назначение на Гдовский боевой участок помощником командира 90-й отдельной роты охраны железных дорог. В Гдове оказался мой знакомый по Питеру товарищ Жучков — бывший прапорщик, награжденный солдатским георгиевским крестом.

В Гдове жилось беспокойно. Мне пришлось много сил отдавать охране железной дороги. Здесь я столкнулся с предателями Булак-Балаховичем и начальником флотилии Нелидовым. Оба притворялись лояльными людьми, а в действительности оказались махровыми белогвардейцами, одними из организаторов мятежей против Советской власти.

Нелидов под предлогом обороны Гдова вывел корабли Чудской флотилии и... увел в реку Псков, а Булак-Балахович под видом ликвидации «восстания» крестьян жестоко расправился с местными жителями в районе Струги, после чего увел конницу, имея цель прорваться в район Гдовского уезда, где было собрано десять тысяч мобилизованных. Однако это ему не удалось, и он с конниками бежал во

временно оставленный нами Псков, где еще находились немецкие оккупанты. В Пскове он устраивал военные парады, поднимая дух мятежников. Свой дом на площади украшал трехцветными царскими флагами.

В этот период на Гдовской железнодорожной ветке произошли следующие два эпизода.

В Елизарьевском монастыре, недалеко от станции Маслогостицы, стояли кавалеристы под командованием Перемыкина, выдававшего себя за ярого сторонника Советской власти. Однажды его солдаты под видом заготовки продовольствия просто ограбили местных крестьян. Об этом нам сообщили в Гдов, и я тотчас же выехал на станцию Маслогостицы, где нашел солдат Перемыкина, пригнавших сюда скот. Я попытался остановить грабёж, но солдаты поставили меня к стенке с намерением расстрелять. В самый критический момент по первому пути проходил маневровый паровоз. Машинист, увидя все, неожиданно обдал мародеров горячим паром. Воспользовавшись суматохой, я вскочил на паровоз. Так машинист спас мне жизнь.

Положение на фронте становилось все острее. Я получил приказание организовать оборону железнодорожной ветки в районе 2-го разъезда. Туда же на экипаже прибыл Перемыкин и стал давать указания, где расставлять пулеметы и устраивать огневые точки. Закончив, он опять укатил в монастырь. Не доверяя Перемыкину, я вызвал командира батальона, и мы с ним вместе переставили по-новому огневые точки.

Вскоре мы узнали, что Перемыкин и его подручный, бывший вахмистр Римша, после молебна в монастыре вывели кавалерийский полк и перешли к белым.

На следующее утро белые из Пскова начали наступление на 2-й разъезд и, неожиданно для себя, попали под губительный пулеметный огонь.

Еще случай. Когда я находился в

Гдове, получил по телеграфу срочное приказание взять с собой десять надежных красноармейцев и немедленно прибыть на станцию Торошино. Эта станция расположена перед самым Псковом, тогда еще занятым белыми.

Прибыв на место назначения, я явился к Яну Фрицевичу Фабрициусу, старому большевику, члену партии с 1903 года. О нем я знал еще по городу Луге, где он являлся членом Чрезвычайной тройки (Дауман, Фабрициус и Васильев).

Фабрициус приказал мне: «Биязи, сейчас же арестуйте весь состав Торошинского Совета». Пораженный услышанным, не веря себе, переспросил: «Арестовать Совет?» — На это последовало: «Да, Совет, вы не ослышались, и немедленно. Посадите арестованных под охраной в теплушки, что стоят на запасном пути!». Я ничего не мог понять, ж? приказ есть приказ, и я его без промедления выполнил.

На следующее утро из Петрограда прибыла комиссия для расследования. О чем говорили члены комиссии с товарищем Фабрициусом — не знаю, но арестованные продолжали сидеть в теплушках под моей охраной. Вскоре из Питера приехала группа рабочих, которая, поговорив лично с т. Фабрициусом, поблагодарила меня за службу и вручила... для моей дочурки большую коробку шоколада.

Арестованных под конвоем отправили в Петроград. Оказалось, они были связаны с Булак-Балаховичем, готовили открыть границу для вторжения белых.

Вскоре началось наше наступление на Псков.

Первыми вошли в Псков, и заняли станции Псков 1-й и Псков 2-й три роты железнодорожной охраны. Меня назначили начальником 5-го участка, а затем командиром 38-го Псковского стрелкового красноармейского полка, на охране и обороне железных дорог от

Пскова до Нарвы и от Пскова на Струги Белые (ныне Струги Красные).

Меня снова вызвал к себе т. Фабрициус и приказал помочь крестьянам задержать и доставить в штаб крупного белогвардейца.

Приказ мы выполнили — перед Фабрициусом предстал плотный пожилой мужчина в поношенной папахе и в старой кожанке. Это был бежавший из Пскова купец-миллионер Батов. Нам удалось опознать его по дорогим ботинкам и новым калошам под старыми длинными штанами.

Допрос был короткий:

— Вы купец Батов?

— Да, я купец Батов.

— Это вы дали белогвардейцам 10 тысяч рублей?

— Да, это я дал и, если нужно, еще дам.

— Нет, больше вы ничего не дадите! — отрезал Фабрициус. — Уведите его!

Как-то ночью ко мне в Псков позвонил из Гдова по фonoпору комиссар железнодорожной станции Гдов товарищ Андреев. Он сообщил, что по полученным достоверным сведениям белые решили внезапно захватить Гдов.

Тотчас же я пошел в штаб 10-й стрелковой дивизии, но начальника штаба не было. Пришлось вызвать дежурного (бывшего из старых офицеров), который с заспанными глазами выслушал меня и сказал, что все это только слухи, и ушел.

Несмотря на это, я взял балансируемую летучку (бронепоездов и даже бронелетучек в Пскове еще не было, имелась всего лишь балансирующая летучка, состоящая из впереди идущего вагона с двойными стенками, между которыми засыпан балласт, и с вырезанными в стенках бойницами для трех станковых пулеметов. В середине состава шел паровоз, а сзади теплушка для команды).

На такой летучке мы отправились в Гдов.

Движение еще не было налажено, и летучка продвигалась медленно. А в это время в Гдове произошли трагические события. О готовящемся нападении белых знали в Гдовском уездном военкомате товарищи Розов и Разумовский. Они с вечера собрали запасной батальон и ждали у военкомата до утра, а утром уставшие солдаты разошлись на отдых. Этим воспользовались белые. Утром со стороны Чудского озера показался санный обоз. На него никто не обратил внимания, так как такие обозы часто ходили с рыбой. Впереди двигались большие сани, покрытые брезентом. Обоз начал подниматься вверх по улице по направлению к дому бывшего миллионера Семенова. Когда обоз достиг Народного дома, неожиданно с больших саней был сброшен брезент, под которым оказался станковый пулемет и три белогвардейца. На остальных санях (также под брезентами) лежали вражеские солдаты. В доме Семенова на втором этаже у станкового пулемета дежурили наши пулеметчики. Они сразу же открыли огонь. Белые оставили сани и бросились через прилегающие дворы к дому Семенова, пробрались по крыше и убили наших пулеметчиков.

Путь по главной улице был для нападающих открыт. Добравшись до дома, где жил комиссар социального обеспечения т. Ветров, белые ворвались в его квартиру на втором этаже, схватили безоружного комиссара и повесили на балконе. Председателю Совета т. Никитину удалось уйти из дома, и он пробирался к железнодорожной станции, но у церковной ограды был убит. Розов и Разумовский с группой красноармейцев вели огонь по белым на окраине города. Небольшой караул железнодорожной станции, отстреливаясь от белых, отошел на опушку близлежащего леса.

В это время наша летучка показала вблизи Гдова, туда же спешил наш пехотный батальон. Белые, спешно погрузив награбленное в сани, бросились наутек.

Когда мы с летучкой возвраща-

лись в Псков, мне сообщили, что в одной из близлежащих деревень готовится кулацкий мятеж. Мы сделали остановку, и я немедленно отправился в эту деревню. Жители указали на дом кулака. Обыск не дал результатов. Когда собрались уходить, пожилая жена кулака мне шепнула: «Ищите в церкви!». Направились в храм божий, и здесь обнаружили спрятанное в ризнице ручное оружие и разобранный станковый пулемет с запасом пулеметных лент. Когда мы арестовали попа, он в испуге заявил, что оружие в церкви спрятал кулак, у которого мы до этого ничего не нашли. Арестовали и попа, и кулака. Тут же на площади устроили народный суд над кулаком. Он признался, что готовил помощь отрядам Булак-Балаховича. По приговору суда предатель тут же, на площади, был расстрелян. Жена кулака и взрослая дочь, видевшие эту казнь, не проронили ни одной слезы, а жена сказала: «Так ему и надо, довольно он мучил нас, вот его и покарали».

Когда вернулись в Псков, то оказалось, что к нам прибывает пополнение — рота, состоящая из одних бывших унтер-офицеров. Их прислали из Ярославля после подавления мятежа. Бывшие унтер-офицеры вели себя вызывающе. Они выбросили из теплушки сопровождавшего их комиссара из Ярославского военкомата. Что делать? Я приказал командиру 1-й роты т. Сорокину отправиться на станцию Псков 2-й, присутствовать при выгрузке прибывших и, не вступая с ними в разговоры, вести через Псков 1-й в казарму. Сам я надел старую офицерскую шинель и вместе с адъютантом стал на платформе Пскова 1-го.

Прибывшие шли без всякого «строя и шумно разговаривали. Когда они поравнялись со мною, т. Сорокин неожиданно для них подал громкую команду: «Рота, смирно! Равнение направо!», взял ногу и отдал честь. В роте произошло смятение, большинство невольно по привычке взяли твердый шаг

и подвернули голову в мою сторону, а я по-старому громко с ними поздоровался: «Здорово, молодцы!». Проходившие еще больше смутились, часть ответила на мое приветствие. Я приказал т. Сорокину отвести их в казарму, дать им вымыться с дороги, накормить их в столовой горячим обедом и пока не беспокоить.

Назавтра, когда я появился на плацу казармы, рота была построена. Я подошел, осмотрел строй и скомандовал: «Отставить, равняйся!» Они были удивлены и опять выравнялись, а я снова подаю команду: «Отставить, равняйся!» Тогда кто-то из строя громко крикнул: «Это что же вам, царский режим?»

На это я спокойно и громко в свою очередь спросил: «А выбрасывать из теплушки комиссара — это какой режим?». И снова: «Равняйся, смирно!». Теперь равнение вышло отличное. Я велел распустить роту, а на вечернем построении попросту побеседовал с прибывшими, и рота преобразилась. Все начальство роты я назначил из самих прибывших. Прошло около месяца, рота отлично несла службу, и я решил проверить ее в бою. Как в первых, так и в последующих боях рота выдержала суровое испытание, отлично сражалась за Советскую власть.

В Псков из Петрограда приехал Дмитрий Николаевич Надежный. После окончания дел по состоянию положения на фронте т. Надежный возвращался в Питер. Проводить его поручили мне.

Вагон-салон. За чайным столом нас двое: т. Надежный и я. «Дмитрий Николаевич, — обратился я к нему, — простите меня, но разрешите спросить, что вас, старого генерала царской армии, привлекло к нам?» Надежный с минуту молчал, а потом спокойно ответил: «А вы, Николай Николаевич, помните слова старой присяги «За веру, царя и отечество»? Так вот: я уже давно стал неверующим. Царь отрекся от престола, что же осталось от нашей присяги? За отечество! Вот я и служу своему отечеству, своей Родине».

Впоследствии я неоднократно и по службе и вне службы встречался с Дмитрием Николаевичем и всегда видел в нем прекрасного человека и отличного руководителя.

Много событий произошло в бытность мою в Пскове. Остановлюсь лишь на одном: на преданности товарища Ивана Здасюка Советской власти и на готовности пожертвовать собой ради спасения своих товарищей.

Обстановка на железной дороге Гдов — Нарва была в то время тяжелой. Балансированная летучка под командованием Здасюка вела непрерывные бои на главном участке, а когда ее окружили превосходящие силы противника и подорвали за ней путь отхода на Гдов, Здасюк приказал команде летучки взять с собой все оружие и боеприпасы и оставить подорванные вагоны.

Отходила команда в порядке по дороге; Здасюк бросил с моста в реку тяжелый пулемет, предварительно вынув из него замок, а также ящики с патронами, чтобы не достались белым. Последним с моста ушел Здасюк, взорвав за собой мост. Команда начала отходить на восток по направлению железнодорожной магистрали Петроград — Псков. Здасюк, желая помочь товарищам отойти, засел за сваленными деревьями и один отбивался отседающих белых. Когда кончились патроны, Здасюк, чтобы не попасть к белым, хотел последним патроном выстрелить себе в грудь, но наган дал осечку, и израненного Здасюка, еле стоявшего на ногах, схватили белые и отвезли в Нарву.

Все это видел и рассказал нам бывший в летучке портной Бандюс, который из-за ранения ноги не мог уйти с товарищами и укрылся в скирде соломы. О дальнейшей судьбе Здасюка рассказал лекарский помощник т. Морозов, попавший в плен и выдавший себя за офицера. Белые, нуждавшиеся в командном составе, поверили ему и после недельного пребывания в Нарве поручили ему отвести роту новобранцев в одну из деревень, в

которой формировался батальон. Морозов повел их совсем другим путем и привел к нам, в Лугу.

Так вот что рассказал Морозов о последних днях Ивана Здасюка. Когда он, раненый, был взят в плен, его положили в Нарве в госпиталь. Едва он немного поправился — подняли с постели и вывели на площадь. Стоять Здасюк еще не мог, и его посадили на камень. В последнюю минуту он успел крикнуть: «Советская власть победит!». Белые расстреляли его сидящего.

Узнав об этом, мы нашли деревню, из которой был родом Иван Здасюк, нашли его мать, построили ей новый деревянный домик, купили корову, снабдили продовольствием и деньгами.

Младший брат Здасюка вступил добровольцем в Красную Армию.

Когда мы временно оставили Псков, бои проходили вдоль железной дороги Псков — Луга.

На одном из участков рота бывших унтер-офицеров пошла в разведку, обнаружила белых, засевших в окопе, и вот как с ними расправилась. Один взвод растянулся и, с широкого фронта ведя огонь, демонстрировал наступление. Второй взвод наступал с фланга. Еще два взвода, обойдя по лесу белых, внезапно атаковали их с тыла, и целый батальон отлично вооруженных беляков сдался в плен.

Удачно действовали наши части в районе Струги Белые, но все же численное превосходство на стороне белых принудило нас отойти на правый берег реки Плюсы.

Вечером я получил приказ Троцкого немедленно прибыть в Петроград для доклада ему о положении на железнодорожной магистрали. Я тотчас ответил, что оставить бронепоезд не могу. Ночью мне сообщили, что Троцкий все-таки выслал за мной паровоз, чтобы я немедленно явился в Петроград для доклада.

Так как была ночь, а железная дорога не освещена, я выставил у поворота дороги сигнальщиков и сообщил по фонопору, что мой бронепоезд стоит на правом пути.

Под утро, еще затемно, услышали шум приближающегося паровоза и обнаружили, что, вопреки нашему предупреждению, паровоз идет не по левому, а по правому пути, то есть прямо на наш бронепоезд и стоявшие за ним классный и товарный вагоны. Несмотря на сигналы «стоп» и «путь закрыт», паровоз несся без задержки. Едва мы выскочили из вагона, как паровоз ударился о наши вагоны, разбил их и сам свалился под откос.

Мы немедленно кинулись очищать путь для маневрирования бронепоезда. Работали быстро и успели очистить путь до того, как белые догадались, в чем дело, и открыли огонь.

Во время обороны Петрограда меня назначили помощником начальника обороны железных дорог Западного фронта с правами начальника дивизии.

События развивались быстро. Летом 1919 года с территории тогда буржуазной Эстонии белогвардейский генерал Юденич предпринял поход на Петроград.

Я с сотрудником политотдела нашей 17-й стрелковой бригады обороны железных дорог направился в Петропавловскую крепость к командующему обороной города т. Аврову. Сойдя с трамвая и подходя уже к воротам крепостной стены, мы обнаружили, что забыли у себя в штабе пропуска. Что делать? Времени в обрез. Тогда я сказал: «Попробуем!» — и направился к часовому. Я был в форме начальника дивизии. Подойдя к часовому, с серьезным видом сделал ему замечание, что у него застегнут подсумок, тогда как на посту у часового он должен быть отстегнут, чтобы можно было быстро достать обойму с патронами. Часовой смутился, отстегнул подсумок и не

спросил у нас пропуска. Так мы прошли еще и второго часового. В штабе я сказал, что прибыл лично к товарищу Аврову. У нас опять не спросили пропуска и провели на второй этаж. Аврова не было, и нас принял начальник штаба. И, не проверив, кто мы, не только ознакомил с совершенно секретным планом обороны столицы, но и выдал копию плана.

Вышли мы тоже без предъявления пропусков, и только перед самым выходом из Петропавловской крепости нас остановил разводящий в штатской одежде. Он и отвел нас обратно в штаб для выяснения личности и получения пропусков.

Итак, все нас пропускали, а вот разводящий из питерских рабочих задержал.

Во время отражения и разгрома банд Юденича в 1919 году отличилась бригада красных курсантов, которой командовал товарищ Ежов, бывший штабс-капитан Павловского военного училища. В отражении Юденича принимали участие и три бригады обороны железных дорог под моим командованием.

1 декабря 1919 года исполнилась годовщина создания войск обороны. Эту дату мы отметили в зале Народного дома на Петроградской стороне. На собрании раздавались листовки — печатное обращение к войскам Петроградского Отдела обороны железных дорог Западного фронта. Привожу ее текст.

«Дорогие товарищи!

1-го декабря 1919 года — праздник годовщины наших войск обороны железных дорог. Значение железных дорог велико. Благодаря им мы доставляем:

1. Хлеб — голодающим.
2. Войска — фронту.
3. Топливо — городам и заводам.
4. Книгу — жаждущим знания.

Враг это знает и стремится на фронте захватить железные дороги в свои руки, а в тылу прервать движение порчей пути или взрывом мостов.

Чтобы сохранить железные дороги и тем самым обеспечить нашу победу, после которой наступит мир, год тому назад были сформированы войска обороны железных дорог. Помните же, товарищи, как важна ваша служба охраны и обороны железных дорог.

Враг хитер. Стоя на посту, жди врага отовсюду, будь внимателен, твердо помни свои обязанности, никого не подпускай к посту, не доверяй никому.

На головных боевых участках молодецкой атакой отбрось врага. Своей доблестью и удалью будь примером другим. Живи душа в душу с крестьянином и рабочим, помни, что ты из их же среды. Ты защитник трудового народа, не допускай несправедливости и притеснений. Будь честен, правдив и вежлив — это качества свободного гражданина, с твердой волей, сознанием долга и железной дисциплины, несокрушимо иди вперед, красный боец, к заветной цели — всеобщему миру, равенству, свободе, к новой светлой жизни труда и культуры.

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствуют войска обороны железных дорог!

Да здравствует III Интернационал — штаб мировой революции!

Помощник начальника обороны железных дорог Западного фронта — Биязи.

За военного комиссара — Трофимов».

Из Петрограда меня перевели с повышением в Саратов — начальником обороны железных дорог Юго-Восточного фронта.

Здесь впервые познакомился с Ефремовым Михаилом Григорьевичем. Мой предшественник, от которого я принимал в Саратове дела, сказал,

что везде все в порядке, а вот на Астраханской ветке оборону возглавляет Ефремов, который не представляет ни одного доклада и на вызов не приезжает, и посоветовал мне обратить внимание на этого «самовольца».

Я решил не вызывать Ефремова, а самому поехать на головной участок. Ефремов оказался боевым командиром и очень мне понравился. Он доложил: «В тыл не поеду, дела хватит на боевом участке. Надо скорее освободить Астрахань и Кавказ».

Когда был освобожден Северный Кавказ, я выделил три захваченных бронепоезда в распоряжение товарища Ефремова. С этими бронепоездами он прорвался сквозь оборонительную линию муссаватистов и, не останавливаясь, понесся к Баку.

В пути он имел только одну перестрелку с английскими орудиями, стоявшими на охране Шаларского водопровода.

Проскочив через железнодорожный узел Баладжары, Ефремов со своими бронепоездами внезапно ворвался на станцию Баку. У перрона бронепоезда остановились, и Ефремов вышел из головного бронепоезда. Это было так внезапно и неожиданно, что ходивший по перрону муссаватистский жандарм подбежал к нему, взял под козырек и отрапортовал: «Господин начальник, на вокзале происшествий нет!».

Муссаватистское правительство сбежало за границу, не забыв захватить из банка золотой запас.

Наши части быстро продвигались и вскоре освободили Тифлис (Тбилиси). Я поехал в Батум. Мне дали вагон жены бывшего наместника на Кавказе. Проводник, старый железнодорожник, рассказал, что последнее время в нем ездил один из министров правительства Ной Жордания. Когда члены его меньшевистского правительства заседали в этом вагоне накануне их бегства за границу, то Ной Жордания в гневе стал бить палкой по столику и разбил его инкрустацию, а министр продовольствия, бежавший со всеми под утро на

французском корабле, захватил с собой из вагона дорогой чайный сервиз.

Бои на Северном Кавказе продолжались. Освобожден Грозный. Серго Орджоникидзе вызвал меня к себе в вагон, стоявший на станции, и приказал: «Москва остро нуждается в нефти, обеспечьте отправку нефти в Москву».

Благодаря самоотверженности грозненских нефтяников и железнодорожников, важное задание было выполнено. Об этом послали телеграмму на имя главы Советского правительства.

«Москва, Ленину. Пять эшелонов с нефтью, эскортируемые бронепоездами, отправили Москву Начоборкав Биязи».

После мне передали, что когда В. И. Ленин получил эту телеграмму, то сказал: «Очень хорошо, но к чему иностранное слово?» Действительно, слово «эскортируемые» следовало заменить русским словом «сопровожаемые». И точно, и всем понятно.

Когда освободили железнодорожную магистраль Грозный — Петровск-порт (ныне Махачкала), стал вопрос, о ее охране. В беседе с Орджоникидзе я высказался за то, чтобы нанять сотню местных жителей и поручить им охрану дороги, а наш караул оставить лишь на мостах и станциях. Орджоникидзе подумал и шутя сказал: «Хорошо, пусть они охраняют дорогу от самих себя». Дело в том, что до этого имели место случаи порчи Кизлярской ветки.

Когда весь Северный Кавказ и Закавказье были освобождены, ко мне в Ростов-на-Дону, проездом в Москву, пришел Михаил Григорьевич Ефремов. Поговорили по душам о многом. Тепло попрощавшись, он передал мне свою фотографию с надписью: «Дарю на долгую и добрую память дорогому товарищу Биязи в память взятия гор. Баку 27 апреля 1920 года. М. Ефремов». Память об этом замечательном человеке сохранилась у меня на всю жизнь.

Как тяжело было узнать о гибели Ефремова. Передавали, что, командуя в 1942 году 33-й армией, он попал в

окружение. Свой партбилет и документы Ефремов передал адъютанту и приказал ему сохранить их, а сам, будучи тяжело раненным, не сдался в плен, а застрелился.

Ныне в г. Вязьме М. Г. Ефремову установлен памятник.

После освобождения всех железных дорог Кавказа меня перевели начальником гарнизона во Владикавказ. Довелось еще здесь работать членом чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом и членом чрезвычайной тройки по борьбе с холерой.

Среди всех неотложных дел понадобилось проводить «субботники» и «воскресники». Запомнился большой субботник силами учебно-кадрового полка по заготовке дров для частей гарнизона и помощи населению Владикавказа.

Крупным событием культурной жизни явилось открытие Красноармейского университета в 1920 году, на его открытии присутствовал председатель Совнаркома Горской Советской Социалистической Республики тов. Окоев. Состоялся большой конно-спортивный праздник на поляне недалеко от военного училища у Военно-Грузинской дороги.

На Кавказе очень любят скачки, и на них съехалось много всадников разных национальностей. Ранее враждовавшие между собой осетины и ингуши мирно соревновались в лихости, в умении владеть конем в скачке на 25 километров. Вражды между ними как не бывало.

С переходом учебно-кадровой бригады в непосредственное подчинение Отдельной Кавказской Армии (ОКА) я с бригадой переехал в Тифлис в декабре 1921 года.

В городе не все еще улеглось, страсти не утихли. Продолжали существовать сектора обороны. Меня назначили начальником юго-западного сектора и его районов. Как-то мне доложили, что в женской гимназии на левой набережной Куры у моста бунт. Я не мог поверить и лично отправился к месту происшествия.

Меня встретила начальница гимназии и проводила в актовый зал, расположенный на втором этаже. В зале стоял невероятный шум. Я поднялся на помост и раздельно, очень громко обратился к собравшимся: «Тише!.. Скажите, что вы хотите?» Ко мне подошла девушка и спросила: «А где ваши солдаты?». Я ответил, что их нет, они мне не нужны, им здесь не место и что я пришел один. Тогда она громко спросила: «А где ваше личное оружие?». Я улыбнулся и сказал, что у меня нет никакого с собой оружия и что оно мне совершенно не нужно здесь, в женской гимназии (эти слова я подчеркнул). Она в недоумении посмотрела на меня и промолвила: «А нам сказали, что вы будете в нас стрелять!». По-прежнему улыбаясь, я посмотрел на часы и сказал: «Время идти обедать. Вас ждут дома, желаю вам приятного аппетита. До свидания!».

Озадаченные и смущенные гимназистки вскоре разошлись по домам. «Бунт» окончился.

4 февраля 1922 года я вступил в командование восточной бригады и отбыл в Гурию (Западную Грузию).

Перед отъездом меня вызвали к себе командующий Александр Ильич Егоров и член Военного Совета Григорий Константинович Орджоникидзе и предупредили, что в Гурии неспокойно. Подрывные элементы из числа приверженцев меньшевиков Ноя Жордания распространяют слухи об ожидаемом французском десанте, сеют панику.

«Товарищ Биязи, помните, чтобы в Гурии все было спокойно и ни одного выстрела с нашей стороны», — напутствовали меня Егоров и Орджоникидзе.

Прибыв в Озургеты (ныне Махарадзе), я разместил части бригады в пустующие летом помещения школ, приведя их в порядок, и ни одного человека не расквартировал у местных жителей. С первых же шагов начали помогать жителям. Восстановили в городе разрушенный мост,

бездействовавший при меньшевиках. Затопили баню, починили дороги, оборудовали стадион, открыли клуб, помогли создать театральный коллектив и спортивные секции. Появилась библиотека общего пользования. И наконец бригада начала по своей инициативе строительство железной дороги, соединяющей Озургеты с главной железнодорожной магистралью в Нотанеби.

Почва из-под ног враждебных элементов стала исчезать. Но меньшевики не складывали оружия и пытались даже активизировать свои действия. Приведу хотя бы два случая.

Нам стало известно, что в Бахви меньшевики собираются провести митинг. Когда собрались жители и меньшевистский оратор обратился к ним с речью, то с трех сторон на площадь вошли с музыкой наши колонны курсантов. Оркестры заиграли лезгинку, собравшиеся перестали слушать оратора и направились к оркестрантам; начались танцы, и митинг был сорван.

Второй случай произошел в Озургетах.

Мне сообщили, что меньшевики собираются подбросить сюда оружие. Я вызвал из Батума представителя ЧК.

Вскоре к Озургетам стала подходить похоронная процессия. Я и комиссар вышли навстречу. Меня удивило, что гроб был закрыт и крышка заколочена, тогда как в Гурии покойников всегда несли в открытых гробах. Процессия направилась на кладбище: как всегда, шли плакальщицы, а за гробом группы родственников. Я спросил, кого хоронят. Мне ответили, что хоронят заслуженного старого бойца. Тогда я вызвал курсантов, сказав сопровождающим, что это для отдачи салюта по покойному.

Когда гроб хотели опустить в могилу, я потребовал, чтобы для последнего салюта открыли гроб и показали умершего героя. В рядах сопровождающих произошла заминка. Тогда я приказал курсантам самим открыть гроб. В гробу оказался не

покойник, а винтовки, пулемет и пулеметные ленты. Сопровождающие гроб и плакальщицы поспешили ретироваться. Остальное я поручил представителю ЧК.

После этого подобных инцидентов не повторилось.

Когда мы, закончив дела, вернулись в Тифлис, Восточную бригаду расформировали. Я приступил к исполнению обязанностей начальника военной школы.

7 сентября 1922 года ночью меня вызвал к себе командующий и приказал немедленно создать сводный отряд курсантов. Он сообщил, что утром будут поданы автомашины и мы должны срочно выехать в Душет (Душети), где и получим дальнейшие приказания для прекращения волнений, начавшихся в Хевсуретии.

По прибытии в Душет я не получил никаких сведений от начальника штаба экспедиционного отряда (оказавшегося в то же время начальником штаба восставших, предателем) и был направлен со своей левой колонной в такой район, в котором совершенно ничего и никого не было — ни «восставших», ни даже населенных пунктов.

Не запрашивая штаб, я перевел колонну на главное направление. Вскоре мы подошли к центру Хевсуретии — селению Борисахо. Местные жители из бедняков, видя хорошее отношение к себе, сами начали сдавать оружие, привозя его на лошадях.

Осенью я получил новое назначение и выехал в Ташкент начальником 4-й Ташкентской объединенной военной школы имени Ленина. 13 августа 1927 года меня направили в Москву в Военную Академию РККА (ныне имени М. В. Фрунзе). Отлично выдержав испытания, был принят на Восточный факультет и окончил его с отличием.

Недолго пришлось поработать в Северо-Кавказском Коммунистическом университете, а затем был переведен в Москву адъюнктом Военной Академии имени Фрунзе. Вскоре назначили меня преподавателем Восточного

факультета, поручили читать лекции по тактике в особых условиях и вести курс страноведения. В 1936 году — я в Италии, в качестве военного и военно-воздушного атташе СССР.

Знание иностранных языков позволило мне хорошо ориентироваться в окружающей среде. Простые итальянцы и в условиях фашистского режима Муссолини относились к русским очень хорошо. Вот маленький пример.

Утром я шел в наше посольство. Вдоль улицы справа красовались красивые коттеджи, окруженные садами, а слева тянулась серая старинная римская стена. У одной из оград коттеджа, украшенной вьющимися розами, стоял бедно, но аккуратно одетый итальянец. Лицо его выглядело истощенным. Видимо, он голодал, но просить помощи боялся. Ведь диктатор Бенитто Муссолини издал указ: «В Италии нищих и проституток нет». В действительности фашистский режим породил в Италии большое количество и тех, и других. Запрещалось просить милостыню и подавать ее. Но разве русский может пройти мимо несчастного человека! Я хотел достать кошелек, но оказалось — забыл его дома. Тогда извлек бумажник и огляделся — нет ли поблизости «неразлучников» (так называли в Италии карабинеров-полицейских, всегда ходящих парами в черных плащах и в треуголках старинного фасона).

Проходя мимо, я передал в руку нищего деньги. Итальянцы всегда говорят: «Тысяча спасибо» (милле грацие), а тут он меня не поблагодарил. Я пошел дальше, но через несколько шагов услышал за своей спиной тихий голос: «Синьор, не думайте, что я неблагодарный, но, получив от вас деньги, на которые несколько дней будет сыта вся моя семья, я от счастья потерял слова. Синьор, прошу вас, не поворачивайтесь, но прошу вас ответить мне на вопрос: вы — коммунист?» Я промолчал. «В таком случае, вы — русский!».

Итак, в сознании бедного человека ему мог помочь коммунист любой

страны или русский.

В 1938 году — снова новое значение: на один из факультетов Военной Академии имени М. В. Фрунзе.

В 1940 году, перед войной, был назначен начальником военного факультета западных иностранных языков педагогического института.

Международная обстановка осложнилась. По собственной инициативе я перевел факультет на Большое кольцо и вскоре добился его самостоятельности. Это было сделано вовремя. Началась война, и я создал на факультете переводческое бюро, которое возглавил слушатель (ныне профессор) Евгений Абрамович Гофман. Работа бюро в три смены дала много интересных и важных документов для военного министерства.

Позднее слушатели факультета приняли активное участие в создании оборонительной линии под Москвой.

Слушатели просились на фронт, но начальник Генерального штаба, Маршал Борис Михайлович Шапошников не согласился, так как считал нужным увеличить и ускорить подготовку военных переводчиков. Он приказал вывезти факультет из Москвы в Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти). Сюда прибыли к нам на пополнение две курсантские роты, из которых мы сформировали краткосрочные курсы подготовки переводчиков для фронта.

Вскоре переехал к нам из Средней Азии Восточный факультет, после чего оба факультета преобразовали в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Преподавание велось на 28 иностранных языках.

Военный институт оказался единственным в мире языковым учебным заведением, на котором преподавалось столько иностранных языков. Перечислю их: немецкий, французский, английский, итальянский, испанский, португальский, шведский, датский, норвежский, польский, сербский, болгарский, чешский, румынский, финский,

венгерский, индонезийский, яванский, греческий, турецкий, арабский, персидский, пушту, урду, хинди, китайский, японский и монгольский. Институтом было выпущено большое количество учебных пособий, разговорников, словарей, справочников и др.

Из первых профессоров отметим Зою Михайловну Цветкову и Ольгу Ивановну Маскальскую, профессора Таубе, А. В. Манигетти, Наталью Вениаминовну Алейникову, сестер Дюшен, Красильникову, Сырейникову, Херту Куусинен, академиков Алексеева, Крачковского, Гордлевского, Струве, а также Баранникова, Шишмарева, Мещанинова, Обнорского, Щерба.

На кафедре военного перевода работали Таубе, Изаксон и другие. Японский язык преподавала дочь Сен-Катаямы, основателя Японской коммунистической партии.

Большинство преподавателей награждены медалями и орденами.

Наших выпускников можно было встретить на всех фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Многие находились в отрядах партизан, а Ольга Костарева была награждена медалью партизана.

Немало наших выпускников было за границей на дипломатической работе.

Во время учебы в Ставрополе-на-Волге слушатели не только учились, но и возводили оборонительные рубежи на подступах к великой русской реке.

В лесу, недалеко от курорта «Лесное», наши слушатели, проводя разведку после полета вражеских самолетов, нашли четыре парашюта. Принятыми мерами вскоре задержали трех диверсантов, а четвертый куда-то скрылся. Однако вскоре и он был задержан. Утром в один из домиков близлежащей деревни кто-то постучал. Дома была лишь одна девушка из колхоза, над которым мы шефствовали. Родители девушки уже ушли на работу. Когда девушка открыла дверь, в комнату вошел незнакомый человек и попросил напиток

воды. Вид у него был утомленный: видимо, он не спал ночь. Девушке незнакомец показался подозрительным. Она вежливо подала ему кружку с водой и предложила с дороги умыться. Он охотно согласился, снял пиджак и повесил его на спинку стула, а сам начал мыть голову. Девушка стала ему помогать, а сама поправила висевший на стуле пиджак, после чего внезапно густой мыльной пеной залепила глаза незнакомцу. Пока он, чертыхаясь, смывал пену, она выхватила из его пиджака пистолет, отбежала к двери и громко крикнула: «Руки вверх, стрелять буду!». Диверсант повиновался.

Подоспевшие колхозники помогли его задержать.

Вскоре институт вернулся в Москву.

Большую помощь оказывал институту начальник Главного Управления кадров Филипп Иванович Голиков, который часто приезжал к нам. Когда отправляли переводчиков на Нюренбергский процесс над главными военными фашистскими преступниками, товарищ Голиков лично знакомился с каждым командиром. В результате наши переводчики на Нюренбергском процессе были признаны лучшими. Иностранцы представители часто обращались за помощью к нашему переводчику тов. Гофману, так как их переводчики-женщины недостаточно свободно говорили на военные темы.

Ф. И. Голиков — коммунист с 1918 года, в июне — сентябре 1941 года возглавлял советскую военную миссию в Англии, а затем в США. Зная, как тяжело складывались события на фронтах, товарищ Голиков добился возвращения в Советский Союз. После беседы с Георгием Константиновичем Жуковым был отправлен в действующую армию. Вскоре товарища Голикова назначили командующим девятой резервной армией, которая, как оказалось, еще даже не была сформирована. Не было ни штаба, ни

полевого управления. Надо было срочно формировать армию в небольшом городе.

В ходе формирования и боевой подготовки, несмотря на тяжелое положение под Москвой, товарищ Голиков готовил свою армию не для оборонительных боев, а для наступления. Эта полководческая прозорливость помогла частям, сформированным Голиковым, попав на фронт, сразу же перейти в наступление и с боями освободить Михайлов, а затем южнее Калуги изгнать немецких захватчиков из ряда городов и выйти на линию западнее Мосальска и Сухинича. Филипп Иванович активно участвовал в московской битве, развеявшей фальшивую легенду о «непобедимости» гитлеровской армии.

Товарищ Голиков командовал Воронежским, а затем Брянским фронтами, являлся начальником Главного Управления кадров, а в 1958—1962 годах — начальником Главного Политического Управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Ныне Ф. И. Голиков — Маршал Советского Союза.

В 1941 году я отпросился на фронт, и мне поручили отобрать командный состав для двенадцати формируемых дивизий.

Я прибыл со стороны Астрахани на Северный Кавказ и сразу же отправился в Краснодар, где находился штаб фронта. В это время противник угрожал Краснодару. Попал на заседание высшего начальства, на котором решался вопрос о том, в каком направлении, следует отводить наши войска и куда противник может нанести главный удар. Решили, что гитлеровцы будут наносить удар вдоль побережья Черного моря, с целью прорваться в Закавказье.

На совещании присутствовал представитель Москвы генерал Антонов, которого я хорошо знал по совместной службе в Военной Академии имени Фрунзе. Я высказал ему свое личное мнение: по моему убеждению, противник будет наносить удар по центру

на Армавир, с целью рассеять наши войска.

Как показали дальнейшие события, я был прав. Вскоре фашисты захватили Армавир и оттуда направили главный удар на Грозный, чтобы в дальнейшем выйти к Каспийскому морю и захватить Баку, имея в перспективе поход на Индию.

На Северном Кавказе фашисты выслали вперед дивизию «Эдельвейс», отряды которой появились на Эльбрусе.

По моему предложению, в Бакуриани была создана высокогорная школа для подготовки альпийских, отрядов. Во главе школы был поставлен заслуженный мастер спорта Борис Михайлович Дьячков. Вскоре наши высокогорные отряды заняли все перевалы Главного Кавказского хребта, выбили фашистов с Эльбруса и лишили захватчиков-возможности проникнуть в Закавказье.

Главными силами противник продвигался вдоль основной магистрали и занял важный железнодорожный узел Минеральные Воды. В это время я находился во Владикавказе и предложил срочно создать оборонительную линию вдоль Терека.

Из Закавказья приехала группа военных специалистов, прибыл и командующий ЗАКВО генерал армии Иван Владимирович Тюленев.

Бои развернулись на подступах к Тереку. Противнику удалось захватить город Прохладный и позднее — город Нальчик, но на подступах к Владикавказу, прикрывавшему Военно-Грузинскую дорогу и выход в Закавказье, противник потерпел поражение и был повернут вспять.

В Закавказье я был назначен начальником штаба Упроформа Закавказского фронта.

...Гитлеровцы, потерпев поражение под Сталинградом, начали отступление с территории Северного Кавказа. Бои еще продолжались в горной местности. По поручению штаба я составил брошюру для армии «Бои в горах».

На фронте мне повстречался старый друг мой, бывший после меня начальником 4-й Ташкентской Объединенной командной школы имени Ленина, генерал И. Е. Петров.

Судьба у Петрова сложная. Дела у него шли отлично. И вдруг его сняли как потерявшего бдительность. Это было в печальный период необоснованных репрессий. На фронте Иван Ефимович Петров отличился во время обороны Одессы, в боях в Крыму, при обороне Севастополя, затем военные дороги привели его на Северный Кавказ. Иван Ефимович являл собой образец беззаветного служения народу и Родине. Сорок лет прослужил он в Советской Армии, в которую вступил добровольцем в 1918 году, сражался с басмачами и белогвардейцами, а после — с гитлеровскими полчищами.

В 1942—1943 годах Петров командовал группой войск на Северном Кавказе, стойко оборонял Черноморское побережье. Впоследствии участвовал в освобождении Кубани и в прорыве сильно укрепленной полосы гитлеровцев, называвшейся «Голубой линией», и, наконец, в освобождении Таманского плацдарма. После, командуя войсками 4-го Украинского фронта, генерал Армии Петров много сделал для разгрома гитлеровцев, освободил Дрогобычский нефтяной район, преодолел Карпаты и освобождал Закарпатскую Украину.

После войны в течение ряда лет командовал войсками Туркестанского военного округа, а с 1952 года работал в Министерстве Обороны на ответственных постах.

Товарищу Петрову присвоено звание Героя Советского Союза, он награжден пятью орденами Ленина, четырьмя — Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова, орденами Красного Знамени Узбекской и Туркменской ССР, а также многими медалями и иностранными орденами.

Сын Ивана Ефимовича, как и отец, в бою всегда держался спокойно, ясно мыслил, принимал правильные

решения, всю войну провел на фронте. В мирное время командовал полком и погиб при ликвидации последствий катастрофического землетрясения в Ашхабаде.

* * *

В этих записках, написанных мною в Ессентуках, где я в настоящее время живу с семьей, описана лишь часть событий, свидетелем и участником которых мне довелось быть. За моей спиной три войны: первая империалистическая мировая, гражданская война в России и Великая Отечественная война.

Я горжусь, что мне выпало счастье принимать участие в Октябрьском вооруженном восстании 1917 года, что судьба позволила мне видеть и слышать Владимира Ильича Ленина, видеть на склоне лет грандиозные свершения по заветам Ильича в нашей стране. Новые поколения завершат возведение светлого здания коммунизма.